

Сериал
"Бизнесмены"

наталья НИКОЛЬСКАЯ

Наталья Никольская
Большие хлопоты
Серия «Близнецы»

*Публикуется с разрешения правообладателя: "Литературного
агентства «Научная книга»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168680*

Аннотация

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТАЙНЫ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. БЫЛ ДРУГ – СТАЛ ТРУП	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЭКСТРАСЕКСУАЛЬНАЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

БОЛЬШИЕ ХЛОПОТЫ

ПРОЛОГ (ПОЛИНА)

Мы ехали с Жорой Овсянниковым в кафе на моем «Ниссане», и настроение наше было отличным. Уже темнело. На дороге почти не было машин. Вдруг слева от нас раздался визг тормозов и громкие звуки, которые не спутаешь ни с какими другими: это были звуки выстрелов.

– Пригнись! – крикнул Жора, нагибая мою голову вниз. Я сжалась в комочек на сиденье. Мимо пронесся черный джип с тонированными стеклами. Кто был за рулем, кто находился в машине, кроме водителя, – разобрать было невозможно. Но что стреляли именно оттуда, сомнений не вызывало.

– Все, что ли? – почему-то шепотом спросила я у Овсянникова.

– Да вроде как, – также шепотом ответил мой бывший муж. – Вылезай, посмотрим.

Возле обстрелянной темно-зеленой «Тойоты» уже собралась толпа зевак. Меня охватила злость на эту ораву тупорылых обывателей, с любопытством взирающих на расстрелян-

ную машину и на окровавленные тела ее пассажиров. Ведь вот получают так же пулю в лоб за свое любопытство непомерное, идиоты! И даже захотелось выхватить автомат и прошить толпу этих баранов, чтобы другим неповадно было.

Но я этого не сделала по двум причинам: во-первых, я все-таки человек очень добрый и гуманный. А во-вторых, у меня не было автомата.

Толпа оживленно обсуждала произошедшее, рядясь, кому идти вызывать милицию.

– Р-разойдись! – прорычал Жора, пробираясь к «Тойоте». – Милиция!

Толпа сразу же загалдела еще сильнее, переключив свое внимание на представителя закона.

– По улицам ходить невозможно! – визгливо проорала толстая тетка с потным, красным лицом и огромной задницей. – Милиция совсем ничего не делает. Все с мафией повязаны! Машин развелось – не пролезешь.

– Задницу надо нормальную иметь, тогда везде пролезешь! – гаркнула я на нее, следуя за Жорой.

Тетка ахнула и стала возмущаться на тему, какая пошла сегодняшняя молодежь. Ее поддерживала длинная, сухая, пожилая девушка.

Рядом увлеченно беседовали о политике, причем каждый считал себя непревзойденным экспертом в этой области.

– Вона как коммунисты к власти рвутся! – орал тощенький, задрипанный мужичонка. – Одна стрельба кругом! Это

все, чтобы рейтинг свой поднять!

– Нет, ты мне скажи, за что Примакова убрали? – хватая мужичонку за пуговицу и заглядывая ему в глаза, настойчиво вопрошал седенький дедок. – Сволочи! Ничего, они пляшут еще!

– Вона как коммунисты к власти рвутся! – истошно вопя, повторял мужичонка, почему-то меряя меня ненавидящим взглядом и норовя толкнуть в спину. – Опять хотят всех под расстрел подвести!

– Тебя первого подведем, – пообещала я ему, хотя никогда не была коммунисткой и вообще отличалась миролюбивым нравом. Просто мужичонка ухитрился ткнуть меня в спину костлявым пальцем, причинив ощутимую боль.

Мужичонку тут же словно сдул ветер грядущих перемен. Толпа расступилась. Мы с Жорой смогли, наконец, подойти поближе. Водитель, молодой бритоголовый парень (сразу ясно, что из братвы), еще дышал, несмотря на огнестрельное ранение на груди.

Второй – крепкий, коренастый, похожий на пенек – был мертв. Я невольно засмотрелась на его голову, настолько она была необычна: большая, просто огромная, расширенная кверху.

И еще одно обстоятельство придавало необычности его выдающейся голове: в ней были прострелены две дырки. Тут мой взгляд опустился вниз. Я посмотрела на его руки и... Почувствовала, что что-то в моей груди начинает очень

сильно трепетать. Сердце, наверное, что же еще?

На мизинце левой руки парня играло, переливалось всеми девятью бриллиантами то, за чем я охотилась уже который день.

Перстень не налазил бандиту ни на один палец, кроме мизинца, да и то не до конца. Я обернулась на Жору, уже зная, что сейчас совершу преступление. Но этическая сторона этого вопроса меня интересовала в данный момент меньше всего. А проблем юридического характера я постараюсь избежать во что бы то не стало.

Увидев, что Жора занимается еще живым бандитом, я склонилась низко-низко над мертвым, покрыв его своими длинными распущенными волосами, и быстрым движением сдернула перстень с его пальца. После чего моментально сунула его в самое надежное место: в бюстгальтер.

Уж отсюда-то он не пропадет! Даже если кто-то захочет покуситься не на перстень, а на то, возле чего он покоится, я как каратистка в один миг отрезвлю этого охотника да женского тела.

– Поля, вызови наших. Скажи, на Волжской тачку обстреляли, пусть поторопятся, – озабоченно произнес Жора, и я с готовностью понеслась к телефонной будке.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТАЙНЫ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО (ОЛЬГА)

– А еще ждут тебя, Оленька, большие хлопоты, – сказала мне Екатерина Павловна, указывая пальцем на комбинацию карт, и почесала нос.

– Большие хлопоты? – удивилась я. – В связи с чем это?

– Я думаю, что в связи с наследством, – задумчиво вытянула губы Екатерина Павловна. – Смотри, вот эта карта, – она ткнула пальцем в девятку бубен, – указывает на получение большого наследства.

– Ой, как интересно! – восхитилась я. – А от кого, не подскажете?

– Да вот никак не могу понять, – Екатерина Павловна начала ковырять в ухе, что стимулировало, по ее мнению, работу мозга. – Тут вроде и женщина, и мужчина, и вот хлопоты-то как раз через них должны произойти, и с наследством они связаны.

Я отхлебнула кофе с ликером из маленькой чашки, а Екатерина Павловна чинно приложила к чаю.

– Во время гадания алкоголь употреблять нельзя категорически, – наизидательно сказала она мне. – Может нарушиться баланс сенсорных полей.

Я, будучи психологом и даже кандидатом наук в своей области, понятия не имела о том, что такое «баланс сенсорных полей» и с чем его едят. Я даже не была уверена, что существует такое понятие. Но вот ведь какая странная вещь: приходя ко всякого рода гадалкам и экстрасенсам, я невольно забывала все, чему меня учили в университете, раскрывала рот, хлопала ушами и верила, верила безоговорочно всему, что вещали эти «высшие разумы».

Так и на этот раз. Сидя в маленькой кухоньке Екатерины Павловны с голубенькими шторками в синий горошек, попивая кофе с ликером и слушая ее вещания, произносимые таинственным шепотом, я чувствовала, что уплываю куда-то в заоблачные вершины. Голова кружилась от предчувствия счастья, которое вот-вот должно было на меня свалиться.

– Король червонный ляжет на сердце, – продолжала изливаться Екатерина Павловна, – тяжелым камнем, – вдруг добавила она, и я мгновенно открыла глаза, которые уже слипались у меня, убаюканной сладкими сказками.

– Почему камнем? – встрепenuвшись, спросила я.

– Карты так говорят, – со вздохом развела руками Екатерина Павловна. – Через него надежда светит, а потом боль в сердце.

– Стенокардия? – с тревогой спросила я.

– Ну что ты, нет, конечно, – успокоила меня Екатерина Павловна. – Просто примешь через него страдания, вот и все. Украдет он твое сердце.

– Как это? – не поняла я.

– Да кража тут какая-то прорисовывается. Да ты не бойся, может, у тебя просто кошелек утащат?

– Да мне бы, знаете, как-то не хотелось и кошелька лишаться, – умоляюще посмотрела я на Екатерину Павловну.

Та вздохнула:

– Ну может, и не кошелек. А сумку.

– Ну слава богу, – успокоилась я. Сумка у меня была уже совсем старая, потертая, и я даже была бы рада, если б ее украли. Потому что это было бы толчком купить новую.

– А еще что? – окончательно проснувшись, поинтересовалась я.

– А еще перемена места жительства, – поведала Екатерина Павловна.

– Не может быть! – уверенно заявила я. – На это я не соглашусь!

– Да? – быстро переиграла Екатерина Павловна. – Ну тогда, значит, это беременность!

– Еще лучше! – аж подскочила я на стуле, ошпарившись жаром. – Вот этого мне совсем не надо!

Екатерина Павловна недовольно покачала головой и начала швырять карты по одной, сказав при этом:

– Ох, ну до чего клиенты пошли придиричivé! Ну значит, не беременность, а повышение температуры!

– У меня? – спросила я.

– Да нет же! Жарко на улице станет.

– Екатерина Павловна, а нельзя как-нибудь, чтобы наоборот, похолоднее стало? – попросила я. – И так от жары де-ваться некуда.

– Ну... поглядим там, – пообещала Екатерина Павловна, окрылив меня.

Я даже снова стала засыпать, успокоившись, что все будет хорошо. Но тут меня выдернул из мира грез резкий звук звонка в дверь.

Екатерина Павловна смешала карты и поспешила открыть. На пороге стояла высокая супердама, вся такая от кутюр. Екатерина Павловна рассыпалась перед ней горохом, приглашая войти.

– Оленька, с тобой мы завтра закончим, – вежливо выталикивая меня в коридор, сказала Екатерина Павловна. – Приходи в это же время.

Я вышла в коридор несколько обиженная. Да, все понятно, богатая клиентка, но я же все-таки не посторонний человек? Дело в том, что с дочкой Екатерины Павловны, Лариской Черногоровой, мы учились в одном классе. Правда, в то время Екатерина Павловна вовсе не занималась гаданием на картах, а совсем даже наоборот, работала инженером в конструкторском бюро.

Но после того, как так успешно начавшаяся эпоха перестройки разрушила все загнившие устои, оказалось, что конструкторские бюро вообще не нужны в нашей необъятной стране. Равно как и инженеры.

Екатерина Павловна, оказавшись не у дел, очень страдала. И потом, на почве страданий, вдруг открыла в себе удивительные способности предсказывать будущее по картам. Сперва она гадала просто так, на себя. Чтобы узнать, долго ли ей еще мучиться? Потом об этом узнали ее знакомые и знакомые знакомых. А там и пошло, и пошло... И самое интересное, что иногда даже кое-что сбывалось.

На этой почве Екатерина Павловна одно время даже сошлась с нашей мамулей, Ираидой Сергеевной. Та тоже была женщиной одинокой, брошенной мужем. Они с Екатериной Павловной встречались чуть ли не каждый день, при встречах целовались и называли друг друга «золотко». Но после того, как Екатерина Павловна нагадала сама себе молодого, богатого принца, который действительно появился в ближайшее время, гадалка решила похвастаться перед Ираидой Сергеевной как своими грандиозными способностями предсказывать будущее, так и новым кавалером. Это было большой ошибкой с ее стороны.

Ираида Сергеевна долго охала и ахала, блестя глазами, восхищалась и Екатериной Павловной, и ее принцем, после чего ушла домой с ним под ручку. У нашей мамули просто талант по этой части. По новым мальчикам, я имею в виду.

Екатерина Павловна не смогла простить такого вероломства, несмотря на то, что мальчик был уже не очень новый. Она впала в депрессию и даже оставила на время свое занятие. А Ираиду Сергеевну стала называть не иначе как «эта

легкомысленная особа».

Правда, когда Ираида Сергеевна заглянула к ней и сообщила, что «принц» в один прекрасный день наглым образом сбежал, Екатерина Павловна успокоилась, что справедливость восторжествовала, а Ираида Сергеевна понесла заслуженное наказание, и сменила гнев на милость. Пусть этот плейбой ей не достался – неважно! – но ведь сам факт, сам факт восстановления статус-кво... Он же словно бальзам на раны действует!

Ираида Сергеевна и рекомендовала мне обратиться к Екатерине Павловне. Почему я называю маму по имени-отчеству? Потому что мне так удобнее. И моей сестре Полине. Мама никогда не была для нас таким близким человеком, как бабушка, поэтому «не по чину честь», как говорит Полина.

В моей жизни как раз наступил не очень приятный период, когда муж Кирилл в очередной раз ушел, я осталась с детьми, без денег, без мужчины, без надежды и без трепета в душе.

Вот мама и посоветовала сходить к Екатерине Павловне, пообещав, что после ее расклада я буду просто летать на крыльях в ожидании золотых гор. Правда, я предчувствовала, что ожидание может очень сильно затянуться, но ведь надежда, надежда же появится!

Я пошла туда скорее от отчаяния, даже не спросив у мамы, сколько милейшая Екатерина Павловна берет за услуги. И

Полине ничего не сказала.

Екатерина Павловна встретила меня очень приветливо, покачала головой в ответ на мои жалобы на жизнь, посочувствовала и стала раскидывать карты. И правда, после визита к ней я почувствовала себя лучше.

– Екатерина Павловна, сколько я вам должна? – спохватилась я в дверях.

– Двести рублей я беру за сеанс, но с тебя как со знакомой – сто пятьдесят.

Удар в сердце. У меня аж ноги подкосились, когда я услышала столь страшную сумму.

– Сколько? – охрипшим голосом переспросила я.

– Сто пятьдесят, – повторила Екатерина Павловна. – Милая, я, конечно, понимаю твое положение, но ведь цена божеская. Дешевле не найдешь. Но ты можешь выплачивать мне частями, если для тебя это много.

– Хорошо, Екатерина Павловна, – проклиная себя за совершенную глупость и вытаскивая вспотевшей рукой из сумки смятые пятьдесят рублей (больше не было с собой), ответила я. – Вот вам пока пятьдесят рублей, а остальные я потом привезу!

– Так я тебя буду завтра ждать! – крикнула мне вслед Екатерина Павловна. – Продолжим сеанс!

Нет уж, дудки! Нашли тоже дурочку! Больше я сюда ни ногой! Отдам деньги, и все. Не надо мне таких гаданий. Сто пятьдесят рублей за сеанс! Я и то никогда не беру столько за

психологический сеанс, от которых пользы гораздо больше, чем от этой ерунды.

Господи, когда я только поумнею? Полина права, у меня точно с головой не в порядке. Вчера же хотела купить детям новый конструктор – пожалела денег! А он ведь как раз сто пятьдесят рублей стоил. Зато на это шала-бала – легко! Фью-ить – и нету! Как и не было никогда денег.

Я шагала домой пешком, решив наказать себя за глупость и сэкономить на проезде. Артур и Лизонька, дети мои, находились в данный момент у Ираиды Сергеевны, которая любезно согласилась их взять на время «посвящения в тайны будущего», и по-хорошему я должна была их сейчас забрать. Но я была настолько зла на маму и на саму себя, что решила оставить их пока там. Чтоб маме жизнь медом не казалась!

Со злостью швырнув в урну нащупанный в кармашке легкого сарафана старый чек, я шагнула вперед и чуть не сбила с ног молодого мужчину.

– Извините, – буркнула я, собираясь продолжить путь, но мужчина вдруг перегородил мне дорогу. Более того, он раскинул руки, собираясь меня обнять. Это было уже явным хамством. Решив проверить, как выглядит типичный хам, я подняла глаза и... раздумала бросаться на него с кулаками.

Передо мной стоял мой бывший одноклассник Вовка Шулаков. Все такой же веселый, неунывающий и безалаберный, как и в далекие школьные годы. Да в общем-то не такие уж и далекие. Если мне сейчас двадцать девять, то это было все-

го... Нет, уже не всего.

– Вовка! – радостно заорала я, сразу же забыв при виде этой улыбающейся физиономии про свои проблемы.

– Олька! – орал мне в ответ Шулаков, сжимая меня своими ручищами. – Глазам своим не верю! Вот радость, что я тебя встретил! Слушай, а ты совсем не изменилась.

– Ладно тебе! – отмахнулась я.

– Нет, серьезно. Разве что совсем чуть-чуть. В лучшую сторону. Еще красивее стала. Слушай, ты спешишь?

– А что? – спросила я.

– Может, в кафе сходим? Отметим встречу? Ты сейчас как, свободна?

По моему горестному молчанию Шулаков догадался, что я не просто свободна, а вообще одна.

– Ну так это не проблема! – расплылся он в улыбке. – Смотри, какой рядом с тобой мужчина.

– Ладно уж, какой ты мужчина! – снова вздохнула я.

– А кто же я? – искренне не понял Володька.

– Во-первых, ты бывший одноклассник. А во-вторых, так... романтик с большой дороги.

Одно время Шулаков считался моим ухажером и нас даже дразнили в школе «тили-тили тесто». На выпускном вечере он танцевал со мной, потом проводил до дому и в первый раз поцеловал. Впрочем, и в последний.

Потом он уехал из Тарасова куда-то на север на заработки. Вовку Шулакова всегда манила романтика. И еще день-

ги. И неизвестно, что больше. А север – как раз то место, где можно найти и то и другое.

С тех пор Шулаков иногда присылал мне поздравительные открытки ко дню рождения. Я вышла замуж и совсем почти забыла о своем первом чувстве. Но сейчас, когда я была одна, в моем сердце защипали воспоминания о былом. Шулаков был очень даже ничего: крепкий, широкоплечий, со светлыми кудрями и смешинкой в глазах, и я подумала, что, может быть...

– Пошли! – решительно тряхнув головой, ответила я. Но тут же вспомнила, что не при параде.

– Знаешь что, Володь, – протянула я. – А пойдём-ка лучше ко мне. У меня спокойно посидим и выпьем.

– Пошли! – тут же ответил Володька.

– А ты давно приехал? – спросила я его, когда мы влезли все-таки в троллейбус.

– Не очень, – неопределенно ответил Шулаков.

– Надолго в Тарасов?

– Даже не знаю, – пожал плечами Володька. – Может, и надолго.

– По делам?

– Да... Можно сказать и так.

Я не стала больше ничего спрашивать. Захочет – сам расскажет. Да и не больно мне интересны шулаковские дела.

Мы поднялись ко мне, Володька прошел в комнату, а я в кухню, думая, что бы мне приготовить. В этих делах я нико-

гда не была специалистом. Может, торт испечь? Нет уж, один раз я уже пекла, и все стены были забрызганы сгущенкой. Потом я их три недели оттирала. Лучше даже не позориться.

– Оля, иди сюда! – позвал Вовка из комнаты.

Я подошла.

– А у тебя уютно, – сказал Вовка. – Тесновато, конечно...

– Что поделаешь! – вздохнула я. – Мне с детьми хватает.

– А что же твой-то?

– Мой... – я задумалась. И решила вообще ничего не говорить, а вернуться лучше в кухню. Господи, ну что же приготовить? И почему рядом нет Полины? Вот она бы в три секунды сварганила что-нибудь, хоть кашу из топора.

Володька в это время накручивал диск телефона. Я не слышала, с кем он разговаривал, но, повесив трубку, он вошел в кухню и сказал, что ему нужно срочно уйти.

– Оленька, понимаешь, дела, – виновато проговорил он. – Давай лучше завтра посидим. Я приеду к тебе часов в шесть. Идет?

– Идет, – ответила я и поняла, что мне удастся подготовиться к завтрашней встрече. – Только я Полину позову.

– Полину?

– Ну да, а что?

– Да ничего, я только рад буду. Господи, Полина! Как она? Все такая же драчливая?

– Иногда, – смеясь, ответила я.

В школе Полина слыла забиякой и могла запросто наве-

шать любому таких подзатыльников, что мало не покажется. К тому же она занималась карате, что сопровождало ее удачам на поле боя. И не один мальчишеский глаз был украшен синяками, подаренными моей сестренкой.

– Ладно, я пошел, – ответил Вовка, чмокая меня в щеку. – До завтра! Только ты мне телефон свой напиши на всякий случай.

Я быстро нацарапала на клочке бумаги свой номер, Вовка положил его в карман и ушел. Я осталась одна и решила позвонить Полине: рассказать интересную новость.

– Где ты шляешься? – раздраженно спросила сестра, а я-то ждала от нее поддержки и внимания!

Ой, не говорить же ей теперь, где я была. Полина мне голову оторвет, когда узнает, на что я трачу деньги. А если и не оторвет, то яду выплеснет – пол-Тарасова отравится.

– Так, – ответила я. – Гуляла просто. А знаешь, кого я встретила? – тут же добавила я, чтобы Полина перестала злиться. – Ни за что не угадаешь! Вовку Шулакова!

– Правда? – удивилась Полина, но вовсе не так воодушевленно, как я ожидала. – Ну и что?

– И завтра мы с ним собираемся отметить нашу встречу. Ты не могла бы приехать?

– А я-то вам зачем нужна? – усмехнулась Полина.

– Ну что ты, Поля! С тобой будет интереснее. Ты приезжай пораньше, мы с тобой все приготовим...

– Понятно, – ответила Полина. – Если тебе нужен кули-

нар, то так и скажи.

Я промолчала.

– Ладно, приеду, – пообещала сестра и повесила трубку. Я облегченно вздохнула.

На следующий день я решила съездить к Екатерине Павловне, чтобы отдать оставшиеся деньги. И больше никаких сеансов!

У дома Екатерины Павловны стояла милицейская машина. «Интересно, что произошло?» – подумала я, заходя в подъезд и радуясь, что меня это не касается.

У двери Екатерины Павловны тоже стояли какие-то люди. Среди них я увидела и милиционеров.

– Что случилось? – спросила я, подойдя поближе.

– Убили Екатерину Павловну-то, – ответила мне соседка. – Сегодня утром или вчера вечером. Вот такие дела.

Я сперва не поверила услышанному. Да как такое вообще может быть? Мы же только вчера с ней разговаривали... Господи, Екатерина Павловна?!? Да за что ее убивать?

Я потопталась еще немного возле двери и, поняв, что делать здесь мне нечего, повернулась и пошла домой. Голова моя просто раскалывалась. Ну и дела!

Приехав домой, я вспомнила о Шулакове, который должен был прийти сегодня вечером. Честно говоря, теперь я уже не испытывала восторга перед этой встречей. Настроение было испорчено. Но что поделаешь, я же уже договори-лась с человеком.

Глубоко вздохнув, я прошла в кухню.

ГЛАВА ВТОРАЯ. БЫЛ ДРУГ – СТАЛ ТРУП (ПОЛИНА)

Я ехала по городу и то, что вытворяла моя машина, мне совсем не нравилось. Что-то уж больно ее мотало из стороны в сторону. Пора ставить на ремонт. А так некстати!

На углу я заметила знакомую мне фигуру Геннадия Николаевича Мурашова, отца своей подруги, жившего в доме напротив, и затормозила.

– Садитесь, подвезу! – крикнула я ему в окошко.

Геннадий Николаевич улыбнулся, увидев меня, и сел рядом.

– Как дела, Полина? – спросил он.

– Да! – я отмахнулась. – Ничего хорошего! Машина вон что-то замухоморилась.

– Тебе стойки поменять нужно, – сказал Геннадий Николаевич. – Хочешь, возьми у меня, они у Андрея в гараже лежат.

Андрей – это сын.

– Спасибо большое, но у меня сейчас с деньгами не гу-сто, – вздохнула я.

– Ну потом отдашь, как будут.

– Спасибо, – еще раз сказала я. – Я подумаю.

Высадив Геннадия Николаевича возле его дома и загнав машину в гараж, я поднялась к себе. Рабочий день на сегодня закончен. Теперь отдыхать. Но только я собралась расслабиться, как вспомнила, что Ольга просила меня заехать к ней помочь накрыть стол. Мне не очень этого хотелось. Этот Шулаков мне никогда особенно не нравился, и торчать весь вечер в его компании мне не улыбалось.

Решив, что я только помогу сестре с обедом, а потом сразу уеду, я стала набирать Ольгин домашний номер. Никто не отвечал. В магазин, наверное, отправилась. Вот ведь делать нечего! И так денег нет после очередного ухода Кирилла, так еще чужих мужиков кормить!

Я выглянула в окно. По противоположной стороне улицы с поникшей головой перся Дрюня Мурашов, тот самый, у кого из гаража мне предстояло в ближайшее время забрать стойки для автомобиля.

Дрюня явно был немного навеселе, потому что не шел, а как-то торжественно плыл. А за ним, надвигаясь грозной тенью, разинув темную пасть, плыла огромная туча, готовая вот-вот проглотить его. Но счастливый Дрюня этого не замечал. Он вообще ничего не замечал, так как держал в руках три бутылки пива: свидетельство близкого счастья.

Дрюня остановился, поднял голову и начал озираться по сторонам, глаза на окна. Я быстро присела. Если он меня увидит – все! Сейчас прилупит, и тогда его до вечера не вытуришь.

Но Дрюня, похоже, выцепил своим хитрым глазом именно мое окно. И точно: буквально через несколько секунд раздался звонок в дверь в ритме «Спартак» – чемпион». Тяжело вздохнув, я двинулась открывать, так как по опыту знала, что если не открыть по-хорошему, Дрюня переполошит всех соседей, потом пойдет к ним пить чай, а уходя попросит двадцать рублей займа «до первой получки», хотя отродясь нигде не работал.

– Привет, Полина! – поприветствовал меня Дрюня, будто мы расстались полчаса назад, хотя он не был у меня уже бог знает сколько времени.

– Привет, – без энтузиазма ответила я. – ты на минутку?

– Нет, я в гости, – ответил Дрюня, проходя в квартиру и разуваясь.

– На что пьешь-то? – усмехнулась я, показав на пиво.

– Стойки продал! – радостно сообщил мне Дрюня. – В магазин сдал, вчера продались.

– Стойки? – я похолодела. – А отец знает?

– А что отец? Что отец? – взвился Дрюня. – Мои стойки!

– Какие же они твои?

– А чьи же? – искренне удивился Дрюня. – В моем гараже лежали, значит, мои!

Тут надо сказать, что Дрюня Мурашов – личность уникальная. Очень одаренный от природы, Дрюня играл на разных музыкальных инструментах, хотя никогда этому не учился, неплохо пел и даже сочинял стихи. Я восхищалась

этими его талантами, потому что сама никогда ими не владела.

Любой анекдот или случай из жизни, совсем даже не смешной, Дрюня рассказывал так, что помереть можно было со смеху. С ним всегда было интересно. Пообщавшись с Дрюней, казалось, что нигде больше нет столь обаятельного человека.

Но... Без недостатков, как известно, ничто не обходится в этом мире. И Дрюня не был исключением. Во-первых, он очень любил выпить. А во-вторых, очень не любил работать. И обладал даром впутываться в разные пакостные истории, из которых его потом приходилось вытаскивать.

Мать, жена, дочь и сестра стонали от Дрюниных выходов, а у Дрюни всегда все было лучше всех. Он беспечно улыбался и снова отправлялся куролесить по своему кругу жизни.

Где Дрюня брал деньги? Ну во-первых, у него была машина, приносящая какой-никакой доход. Во-вторых, у него была любящая мама, которая всегда была готова принять сыночка под свое крылышко и обогреть его.

– Паразит ты, – сказала я Дрюне, покачав головой и думая, где же мне теперь брать стойки в рассрочку.

– Ладно! – махнул рукой Дрюня. – Слушай, у тебя три червонца нет взаймы?

– Зачем тебе? – удивилась я. – У тебя же есть деньги?

– Уже нет, – грустит Дрюня. – Кончились.

Я слегка обалдела.

– Ты же сам сказал: стойки продал!

– Так это разве деньги! – протянул Дрюня. – Их уж нет.

– На что же ты потратил?

– Ну... Пива вот купил.

– На все?

– Ну что ты говоришь, на все! Нет, конечно!

– Ты бы лучше домой что-нибудь купил пожрать. Или дочке какую-нибудь игрушку!

– А ты думаешь, я не купил? – обиделся Дрюня. – Я вот сегодня хлеба купил. И палочки крабовые.

– А палочки-то зачем?

– На закуску!

– Паразит! – еще раз вздохнула я.

– Да ладно тебе! Давай лучше пивка выпьем.

– Не могу, я за рулем, – ответила я. – Мне еще сегодня к Ольге ехать.

– У нее нет займы тридцатки? – тут же спросил меня Дрюня.

– Нет, – решительно ответила я. – А знаешь, кто у нее сегодня в гостях будет? Шулаков!

Дрюня учился в нашей школе, только на три класса старше. Тем не менее он хорошо знал Шулакова. Один раз они вместе даже подожгли директорский кабинет.

Был жуткий скандал. Дрюню вместе с Вовкой чуть не выперли из школы, но потом все как-то обошлось. Их дотянули до конца учебного года, а потом вежливо предложили

убраться. Что они с удовольствием и сделали.

– Вовка? – сразу же спросил Дрюня. – Полина, слушай, возьми меня с собой?

– А ты-то там зачем нужен?

– Ну как! Друг все же. Я его сто лет не видел.

– Нет, не могу. Нечего тебе там делать. Я и сама засиживаться не собираюсь.

Дрюня снова поник.

В этот момент раздался телефонный звонок.

– Поля, ты не могла бы приехать? – послышался в трубке жалобный Ольгин голос.

– Я же сказала, что приеду!

– Поля, мне нужно прямо сейчас, иначе я умру!

Ольга любила утрировать, поэтому я не придавала особого значения ее словам.

– Да приеду я, приеду.

– Поля, пожалуйста, поскорее! Что я тебе расскажу!

Ох, ну что там у нее еще случилось?

– Давай, говори, – сказала я досадливо, чтобы поскорее отделаться.

– Я не могу по телефону.

Я чертыхнулась и брякнула трубку на место. В конце концов, даже хорошо, что я сейчас уеду. А то сиди тут, смотри на Дрюню, который сладко пьет пиво и в ус не дует, и выслушивай, как ему тяжело живется.

– Подъем! – решительно сказала я. – Мне пора ехать.

– Что – уже? – расстроился Дрюня. – Ну вот, так хорошо начали...

– Давай, давай, вытряхивайся, – подталкивала я его в спину.

Дрюня посопротивлялся немного, но я вышла вместе с ним и тщательно заперла дверь.

– Довези меня до Набережной! – сразу же попросил Дрюня.

– Зачем тебе?

– К Сережке поеду, к другу.

– Извини, брат, – ответила я, – но мне в другую сторону.

Дрюня повздыхал-повздыхал и отправился на своих двоих в садик за углом, надеясь найти там компанию. Я поехала к Ольге.

Ольга открыла сразу. Вид у нее был совершенно разбитый.

– Ну что случилось? – спросила я.

Ольга только махнула рукой и сказала:

– Проходи в кухню. Потом расскажу. Я сейчас даже говорить не могу.

Я прошла в кухню. То, что я там увидела, повергло меня в легкий шок. Стол был завален картофельными очистками, шелухой от лука и прочими отходами. Кроме того, он был щедро полит чем-то липким. И это что-то было пролито также и на полу.

Я прошла к столу, осторожно ступая, чтобы не приклеить-

ся к полу. В центре стола стояла большая алюминиевая кастрюля, в которой плавала какая-то непонятная, желтоватого цвета, субстанция с комками. Из нее торчала мялка. Рядом притулилась трехсотграммовая бутылочка из-под водки.

– Это что, праздничный ужин? – спросила я у подошедшей Ольге.

– Ох, Поля, мне так плохо! – тотчас же ответила сестра. – Понимаешь, я хотела приготовить все сама, поставила на огонь картошку для салата, а она переварилась. И я решила сделать из нее пюре, чтобы не пропадало.

– Кто же делает пюре из картошки в мундире? – удивилась я.

– А что мне оставалось делать? – проныла Ольга. – Но почему-то у меня ничего не получилось.

– Ты, наверное, сразу все молоко туда вбухала? – полюбопытствовала я.

– Ну да!

– Эх ты! Тебе двадцать девять лет, а ты до сих пор пюре готовить не умеешь! Давай, иди отсюда, я сама все приготовлю.

Через десять минут я отмыла кухню и приступила непосредственно к кулинарии.

– Ольга, а почему ты салат не доделала? – крикнула я, увидев миску с натертой морковью.

– А у меня нет выжималки для чеснока, потерялась куда-то, – откликнулась Ольга.

– И что теперь?

– Ну а как же без нее чеснок измельчить?

– А что, на терке нельзя натереть? – удивилась я.

После этих слов очень удивилась Ольга.

– Ой, а ведь и правда! – воскликнула она. – И как ты могла это сообразить, Поля?

– Да уж, очень трудно было догадаться, – пробурчала я, двумя пальцами подцепляя из раковины заляпанную терку.

Через час были готовы три салата, пюре с курицей и горячие бутерброды. В духовке допекался кекс.

– Полина, ты просто волшебница! – всплеснула руками пришедшая на запах Ольга.

Я уже не сердилась на нее. Процесс приготовления пищи всегда благотворно на меня влиял и поднимал настроение.

– Все, я поехала, – сообщила я.

– Ты что? – удивилась Ольга. – Дождись хотя бы Володю. Он так хотел тебя увидеть!

– Чего это он вдруг? – удивилась я. Шулаков никогда не питал к мне теплых чувств. Может, из-за того, что я не раз квасила ему нос?

– И потом, я тебе не рассказала самого главного! – добавила Ольга. – Думаешь, почему я вся на нервах?

– Шулаков сделал тебе предложение? – мрачно спросила я.

– Нет, что ты, – немного грустно ответила Ольга. – Ты даже не представляешь! Екатерину Павловну убили!

Я напрягла память, пытаюсь выяснить, кто такая Екатерина Павловна, но что-то никак не вспоминалось.

– Да? – переспросила я. – А кто это?

– Ну как же! – удивилась Ольга. – Мать Лариски Черногоровой, одноклассницы нашей!

– Ах, вон что! Это тебе Шулаков сказал?

– Нет, я сама узнала. Ужас, правда?

– Правда, – ответила я, хотя Екатерина Павловна никогда не была моей близкой знакомой, и, честно признаться, меня не так уж расстроила ее смерть. Жалко, конечно, но не до истерики.

– Она вроде гаданием занималась? – припомнила я рассказы Ираиды Сергеевны.

– Да, – ответила Ольга.

– Послушай, а что ты там делала? – сощурившись, спросила я подозрительно.

– Я... – Ольга замялась. – Я привозила ей деньги.

– За что?

– Ну... взаймы брала, – Ольга явно почувствовала, что сейчас получит по голове, и начала злиться.

– Ты ходила к ней гадать? – резко спросила я.

Ольга виновато мотнула головой и тут же вскинула ее:

– Это мое дело! – звонко ответила она.

– Конечно, – усмехнулась я, – а дома жрать нечего. Сколько она с тебя взяла?

Когда Ольга назвала сумму, я ахнула про себя и подумала,

как правильно сделал тот, кто прикончил гадалку.

– И жить тебе теперь не на что? – продолжала я развивать свою мысль.

– Ну не совсем. Я же ей не отдала оставшиеся. И потом, Екатерина Павловна обещала мне в ближайшем будущем получение наследства.

Я фыркнула так громко, что Ольга аж отскочила. И сразу же разозлилась еще больше.

– Вот ты все время иронизируешь, а между тем многие говорят, что все сбывается! – с досадой сказала она.

– Просто ты сама понимаешь, что сделала глупость, но не хочешь в этом признаться. У тебя совсем денег нет, ты ничего не предпринимает, а вместо этого занимаешься какой-то херью!

Ольга насупилась и умолкла. Я посмотрела на часы.

– Что-то Володя не идет, – перехватив мой взгляд, сказала Ольга.

– Наверно, другую нашел, – съязвила я. Ольга начала закипать.

Я посидела еще с полчаса. Жрать уже хотелось неимоверно, особенно видя перед собой тарелки со вкусными вещами. А подлый Шулаков за это время так и не появился.

– Наверное, у него дела, – неуверенно сказала Ольга. Я ничего не ответила.

Через час мне все это надоело, я встала и заявила, что еду домой. У меня завтра с утра работа в спорткомплексе.

Ольга совсем скисла, но удерживать меня не стала. Наверное, она подумала, что сейчас достанет припрятанную где-нибудь в шкафчике бутылку вермута и спокойноенько утешится им в одиночестве.

Я уже обувала туфли, когда раздался телефонный звонок. Ольга побежала брать трубку.

– Да. Что? – слышались отрывочные реплики из комнаты. – Прямо сейчас?

Потом Ольга вышла в коридор. Я стояла уже обутая и ждала, когда она освободится, только чтобы попрощаться. Но что-то в Ольгином лице меня остановило.

– Что случилось? – сразу спросила я.

– Полина... – Ольга тупо смотрела мимо меня. – Володю убили...

– Что? – у меня глаза на лоб полезли. – Кто тебе сказал?

– Сейчас позвонили из милиции.

– Но почему именно тебе? – я еще надеялась, что все это просто дурацкая шутка, идиотский розыгрыш Шулакова, на которые в детстве он был большой мастак.

– У него нашли мой телефон. Я ему сама записала вчера на всякий случай. Вот они мне и позвонили. Сообщили, что нашли труп мужчины. Без документов. По приметам это Володя. Сказали, что нужно будет опознать... тело, – выговорив последнее слово, Ольга не выдержала и разрыдалась. Я кинулась в кухню за валерьянкой.

Действительно, одно дело – смерть гадалки, пусть даже

мамы твоей одноклассницы, но все равно человека постороннего, а другое дело – того, с кем ты проучилась столько лет. К тому же ждала сегодня вечером. И потом, два трупа за день – это явный перебор.

Я накапала в ложку успокоительного и поспешила к Ольге, которая сидела прямо в коридоре на пыльном коврике, обхватив голову руками.

– На-ка вот, выпей, – протянула я ей ложку с валерьянкой.

Ольга послушно выпила лекарство, после чего встала и направилась в спальню. Там она что-то долго возилась. Когда я вошла, то увидела, как моя сестра сидит на полу перед шкафом и маленькими глоточками тянет вермут прямо из бутылки.

Я молча выхватила у нее бутылку. Потом рявкнула:

– Хватит! Возьми себя в руки! В конце концов, не твоего мужа убили! И нечего сидеть нюнить, спиваясь потихоньку! Надо на опознание ехать. А это знаешь, какая штука? Вдруг у него лицо все изуродовано? Ты должна быть готова.

– Вот я и пытаюсь подготовиться, – прошептала Ольга. – Я боюсь...

Мне стало ее жалко. Я присела рядом на корточки, подхватила Ольгу под мышки и стала поднимать.

– Ну вставай, вставай. Ничего такого уж страшного. Я поеду с тобой, хочешь?

Ольга кивнула. Потом прошла в ванную, умылась и стала собираться.

Мы вышли на улицу. Ольга крепко вцепилась в мою руку, мне даже больно стало. Всю дорогу Ольга тряслась и бормотала про себя какие-то страсти. В конце концов я не выдержала:

– Перестань трястись! – строго сказала я ей. – Фу! А разит-то как от тебя!

Я притормозила у ларька, вышла и купила Ольге мятный «Орбит», самый сильный.

– На, зажуй! А то еще тебя на пятнадцать суток заберут.

Ольга послушно сунула жвачку в рот и методично принялась пережевывать.

В отделении милиции мы прошли в кабинет номер пять, как и было велено. Перед нами предстал старшина милиции Капитонов, который должен был сопровождать нас в морг.

Услышав это слово, Ольга побледнела. Потом беспомощно поглядела на меня. Я успокаивающе похлопала ее по плечу.

– А вы сестра? – спросил меня старшина Капитонов.

– Да, я сестра Ольги Андреевны, – подтвердила я. – И также могу помочь опознать труп, поскольку была знакома с Шулаковым. С убитым, то есть.

Мы вышли на улицу и сели в милицейскую машину. В морге нас провели в какую-то мрачную комнату. Мы остановились перед каталкой, на которой лежал чей-то труп, накрытый простыней. Патологоанатом подошел к нему, сдержнул простыню.

Я увидела Шулакова. Он был почти как живой. Только на лице застыло выражение ненависти. На виске виднелась большая гематома. Ольга покачнулась и схватила меня за руку. Она была блее простыни, которой был накрыт труп. Я увидела, что сестру сейчас стошнит.

– Ну что, это он? – спросил Капитонов. – Вы его знаете?

Ольга молчала, только мотала головой и тихо стонала.

– Да, да! – ответила я. – Выведите ее поскорее отсюда, ей же плохо!

Капитонов взял Ольгу за руку и повел к выходу. Я за ними. На улице Ольга немного отдышалась, и на ее щеках даже стал появляться слабый румянец.

– Садитесь в машину, – предложил Капитонов, – до отделения довезем. Вы ведь там свою машину оставили?

– Нет, спасибо, – ответила Ольга, обмахиваясь рукой. – Мы лучше пешком.

– Ну как хотите. Давайте тогда я запишу сразу фамилию-имя-отчество убитого.

– Шулаков Владимир... Владимир... – я посмотрела на Ольгу. – Оля, как отчество Шулакова, не помнишь?

– С... Сергеевич, – еле слышно прошептала Ольга. – Семидесятого года рождения.

– Где проживает?

– Он вообще-то на севере жил последнее время, – сглотив слюну, сообщила Ольга. – А здесь живут его родители. На Чапаева... Номер дома я не помню...

— Ладно, мы это выясним, — успокоил нас Капитонов. — Вы только подпишитесь под показаниями. А вы, — повернулся он ко мне, — подтверждаете показания сестры?

— Да, да, подтверждаю! — торопливо ответила я.

Капитонов записал показания и дал нам расписаться. После этого я взяла Ольгу под руку и мы отправились за моей машиной.

— Какой ужас, Поля, — повторяла всю дорогу Ольга. — Какой ужас!

Я успокаивала ее как могла. Хорошо еще, что нас ни в чем не заподозрили, а то запросто могли! Наконец, мы добрались до моей машины, я отвезла Ольгу домой и осталась у нее ночевать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЭКСТРАСЕКСУАЛЬНАЯ

(ОЛЬГА)

На следующий день прилетела из Москвы получившая страшную телеграмму Лариска Черногорова, дочка Екатерины Павловны. Она сразу позвонила мне и попросила прийти помочь.

Мы поехали вместе с Полиной. Про Шулакова Полина ничего не говорила, видимо, не хотела мне напоминать. Но у меня и так из головы не шла эта история. Немного придя в себя дома, я сообразила, что даже не спросила, где его нашли. И когда будут похороны.

– Полина, – обратилась я к сестре, – как ты думаешь, мне нужно пойти на похороны Володи?

– Это еще зачем? – удивленно уставилась на меня Полина.

– Ну... все-таки...

– Оля, тебе что, переживаний мало? – мягко спросила сестра. – Он же для тебя, в сущности, посторонний человек. Как на тебя посмотрят? Выбрось эти мысли из головы! Его все равно не вернешь.

Я понимала, что Полина говорит все это только для того, чтобы успокоить меня, что она меня просто отговаривает, но я была ей за это благодарна. Честно говоря, мне совсем не

хотелось идти на похороны Володи Шулакова: я боялась, что могу потерять сознание.

Успокоив свою совесть Полининными аргументами, я решила больше не возвращаться к этой теме.

Дверь в квартиру Екатерины Павловны была не заперта. Заплаканная Лариска в черном сидела за столом и курила.

– Здравствуйте, девочки, – поприветствовала она нас, когда мы нерешительно остановились на пороге. – Садитесь. Вы уж извините, что сижу. Такое горе! – и она зарыдала навзрыд, уронив голову на руки.

Мы топтались рядом, не зная, что сделать или сказать. Чем можно утешить в такой ситуации? Да ничем!

Выплакавшись, Лариска подняла голову и посмотрела на нас.

– Девочки... Поля... У меня к вам вопрос. Вы же бывали у мамы в последнее время?

– Я, знаешь, не была, – смущенно ответила Полина.

– Я была, – выступила я вперед. – Вчера была. И позавчера. Гадать приходила. А вчера я принесла ей остаток денег, которые была должна. Кстати, вот, возьми, – я достала из сумки сто рублей.

Лариска махнула рукой.

– Мне бы очень хотелось знать, кто приходил к маме в последнее время? Кто у нее бывал часто?

– А зачем тебе? – спросила Полина.

– Понимаете, пропала одна очень ценная вещь. Пер-

стенъ, – шепотом сказала Лариска, закуривая новую сигарету. – Безумно дорогой. Восемь бриллиантов по краям и один огромный в центре. От бабушки достался в наследство. У нас кто-то из предков женился на цыганке. Прапрадед, кажется. Это был перстень той цыганки. Он переходил к старшей женщине в роду. Мама считала, что именно кровь этой цыганки сказалась в ней, и она обладала способностью к гаданию, – Лариска грустно улыбнулась. – Перстень мама почти никогда не надевала. И хранила в таком месте, о котором практически никто не знал. Только очень близкие люди. Ясно, что маму убили из-за него. Я просто уверена в этом. И теперь хочу выяснить, кто. Но у меня совершенно нет времени. Мне сразу после похорон нужно улетать. И... дело даже не в перстне! Мне просто нужно узнать, кто это сделал. Кто убил маму?

– Но милиция же будет заниматься этим делом, – сказала я.

Лариска снова махнула рукой.

– Что милиция! Милиции я не верю! Они могут просто присвоить мой перстень. Я вот о чем хотела вас, девочки, попросить... У меня больше никого в Тарасове нет. Отец давным-давно нас бросил. Друзей и подруг у меня практически не осталось. Все поразъезжались. Только ты, Оля. И ты, Поля. Вам я доверяю. И сейчас смогла убедиться в вашей честности, когда ты хотела вернуть мне деньги, которые могла и не отдавать, – Лариска повернулась ко мне. – Поэтому я хо-

тела бы попросить вас помочь мне найти убийцу мамы.

– Нас? – изумилась Полина. – Но почему именно нас? Мы что, следователи? Как мы сможем это сделать?

– Насколько я знаю, у тебя муж следователь, – посмотрела Лариска на Полину. – И потом... я вас прошу это сделать не за спасибо. В общем, так. Найдете убийцу матери – перстень можете оставить себе. Это будет моя благодарность.

– Ты что, с ума сошла, Лорка? – вытаращила я глаза. – Дорогуший перстень с бриллиантами – нам?

– Мне он не нужен, – ответила Лариска. – У меня сейчас достаточно денег. Я же развелась с мужем. Квартира мне осталась и машина. Работа у меня сейчас хорошая, так что все нормально.

– А сам муж где? – спросила Полина.

– Он в Тарасов перебрался, к родителям поближе.

– Но ты могла бы его просто хранить, – сказала я, имея в виду перстень. – Как память. Раз это фамильная драгоценность.

– В том-то все и дело, что хранить его не рекомендуется. Понимаете, с ним связана какая-то кровавая история. И будто бы теперь на этом перстне лежит проклятье. Каждого, кто будет его владельцем, ждет смерть! – я вздрогнула при этих Ларискиных словах и поежилась.

– И ты решила подвинтить его нам! – саркастически сказала невоспитанная Полина, насмешливо посмотрев Лариске в глаза.

Лариска достойно выдержала этот взгляд. И сказала:

– Не подвинтить. Просто как честный человек я решила вас предупредить. Но вам совсем необязательно держать это кольцо у себя. Вы можете его продать и получить очень приличные деньги. А остальное – не ваша забота.

– Честно говоря, не верю я во все эти проклятия, – заявила Полина. – Чушь все это собачья!

– Не знаю, не знаю, – покачала головой Лариска. – Но бабушка рассказывала, что и на самом деле много всяких страстей связано с этим перстнем. Саму цыганку якобы зарезал влюбленный в нее цыган из табора, откуда она сбежала с прапрадедом. Прабабка наша вообще попала на каторгу и там умерла. А бабушку убило молнией, и как раз на ней был этот перстень, представляете? А теперь вот мама.

Полина скептически покачала головой.

– Значит, ты не боишься? И pomoжешь мне? – спросила Лариска.

– Этого я не говорила, – задумчиво сказала Полина. – Такие вопросы не решают с бухты-барахты. Нужно все обдумать. С поминками мы тебе, конечно, поможем.

– Ох, я была бы вам так благодарна! – сказала Лариска. – Я же говорю, у меня здесь больше никого нет. Похороны завтра, а послезавтра рано утром я улетаю. К этому времени мне бы хотелось получить ваш ответ.

– Договорились! – ответила Полина. – Давай, что тебе помогать?

– Да сегодня ничего особенного, завтра нужно. Вы на похороны-то придете?

– Конечно, – с готовностью ответила я.

– Ну, мы пойдем, – произнесла Полина, вставая. – До завтра.

– Так вы подумайте все же, девочки, ладно? – говорила Лариска, провожая нас до двери.

– Обязательно, – заверила ее Полина, выходя на лестницу.

– Нужно помочь человеку, правда, Поль? – спросила я, выбегая за сестрой на улицу.

– Помочь, помочь! Как помочь? – пожала плечами Полина. – Или ты школу милиции окончила?

– Это совсем не важно! – убежденно ответила я. – Можно закончить школу милиции и все равно не уметь распутывать такие дела. Для этого талант нужен.

– А у тебя он, безусловно, есть, – усмехнулась Полина.

– Не знаю, но кое-что нам с тобой расследовать удавалось, если ты помнишь!

Полина наверняка помнила, потому что задумчиво посмотрела на меня.

– Ладно, решим, – сказала она. – Поехали к тебе, там все обсудим. Кстати, детей ты, конечно, опять не забираешь?

Я кивнула. Полина только вздохнула.

– Нам необходимо выяснить круг знакомых этой дамы, – расхаживая по моему ковру взад-вперед, рассуждала Полина. – Раз Лариска сказала, что о перстне знали только близ-

кие, значит, убить ее должен был человек, который часто там бывал. Кто? – она в упор посмотрела на меня.

– Не знаю, я там редко бывала, – испугалась я.

– Да я не об этом! – скривилась Полина. – Совсем ты рехнулась, что ли? Нужно узнать, кто к ней постоянно шляется? И еще с Ираидой Сергеевной нужно побеседовать. Может, она что знает?

– Что, прямо сейчас поедem к Ираиде Сергеевне? – спросила я и поежилась. К маме ездить мы были не любительницы.

– Ага, щас! Сама придет, – ответила Полина.

– Ко мне? – ужаснулась я.

– На похороны, – снисходительно ответила Полина. – Я надеюсь, что она придет проводить свою подругу в последний путь?

– Я тоже надеюсь, – сказала я. – Так мы беремса за это?

– Там разберемса, – сказала Полина. – Еще полтора дня есть.

На следующий день Полина заехала за мной, и мы поехали на похороны.

– Я останусь дома готовить, – наставляла меня сестра, – а ты езжай на кладбище. И присмотрись ко всем, кто там будет.

– Ты думаешь, что убийца придет на кладбище? – спросила я с замиранием сердца.

– Не знаю. Но такое вполне возможно. Скорее всего, это человек, которого Екатерина Павловна считала своим дру-

гом. Или подругой, — добавила Поля. — От меня-то в этом толку ноль. А ты у нас психолог. Вот и разберись в человеческих чувствах. Может быть, заметишь, что кто-то ведет себя неискренне.

— Хорошо! — я мотнула головой, хотя мне показалось, что Полина несколько преувеличивает мои возможности. Преступник может оказаться таким артистом...

Когда мы приехали, замотанная Лариска лишь кивнула нам головой. Рядом с ней я увидела знакомую фигуру Дрюни Мурашова. Он стоял возле стола и трепался о чем-то с Васей Морозовым. Вася Морозов тоже учился в нашем классе и был безнадежно влюблен в Лариску. Но так как был мальчиком очень робким, стеснительным и даже, я бы сказала, забитым, то успехом у девочек не пользовался. К тому же он сильно заикался, что привлекательности ему также не добавляло. Но он всегда был для Лариски верным рыцарем, способным ради нее на любой, самый отчаянный поступок.

Однажды Лариска сломала ногу, катаясь на лыжах. И Вася мужественно нес ее всю дорогу на руках, причем без варежек. Руки он отморозил просто конкретно, но Лорку спас.

Когда Лариска вышла замуж и уехала в Москву, Вася страшно переживал. И даже пытался вскрыть себе вены. Но потом одумался и вроде как остепенился. Но теперь, узнав о Ларискином разводе, он тут же прискакал к ней домой. И практически не отходил от своей возлюбленной. И уже, похоже, изрядно ей надоел. Чтобы отвязаться, Лариска сунула

Дрюне Мурашову бутылку и сбагрила ему Васю.

– Ох, садитесь, девочки! – спохватившись, сказала Лариска и убрала кухонное полотенце с табуретки.

– Да ничего, Лор, ты не волнуйся за нас, – сказала Полина. – Знаешь, я на кладбище не поеду, останусь здесь и приготовлю все, что осталось.

– Правда? – обрадовалась Лариска. – Ой, как хорошо. Тогда ты и полы протри, Полиночка, хотя бы слегка. Обычай такой, говорят.

– Хорошо, – равнодушно ответила Полина, всегда готовая к любой домашней работе.

Вскоре приехал автобус, мы все вышли на улицу, а Полина осталась убираться и готовить.

На улице я увидела Ираиду Сергеевну с трагическим выражением лица. Она приложилась к моей щеке холодными губами и сказала:

– Хорошо, что пришла. Проводим в последний путь.

Мы вместе сели в автобус.

– Ты детей забирать собираешься? – спросила Ираида Сергеевна. Так я и знала, что она задаст этот вопрос!

– Собираюсь, – ответила я. – Только немного попозже. Как они, кстати?

– Нормально, – сказала Ираида Сергеевна.

Спрашивать, с кем сейчас сидят Артур и Лиза, я не стала: и так ясно, что с маминым бойфрендом.

– Я заберу их, когда немного оклемаюсь, – пообещала я. –

Все равно у меня сейчас даже денег нет. И бегаю постоянно туда-сюда...

– Что это ты бегаешь? – прищурилась сразу Ираида Сергеевна.

– Понимаешь, у меня появилась идея. И мне нужна твоя помощь. Ты не знаешь, с кем чаще всего общалась Екатерина Павловна в последнее время? – шепотом спросила я.

– Ну, у нее было много клиентов... – протянула Ираида Сергеевна.

– А все же? Может быть, кто-то, кто стал ей особенно близок?

– А тебе это зачем? – спросила Ираида Сергеевна.

– Просто захотелось узнать как психологу, что за человек была Екатерина Павловна? Может быть, я даже проведу исследование ее души? Может быть, я даже книгу о ней напишу со свидетельствами очевидцев? – я плела эту чушь в расчете на мамино самолюбие и добилась нужного результата.

– Книгу? – сразу же оживилась Ираида Сергеевна. – Тогда мои рассказы об этой женщине должны стать центральными! Ведь никто не знал ее так хорошо, как я!

– Разумеется, мама, – ответила я. – С тобой мы еще не раз будем об этом беседовать, а для начала Расскажи-ка ты мне о ее личной жизни...

– Ну ты, конечно, понимаешь, Оля, что это вопрос очень деликатный...

– Разумеется! – нетерпеливо перебила я.

– В общем, недавно у Екатерины Павловны появился один мужчина... Не очень молодой, конечно, но для ее возраста вполне подходящий, – Екатерина Павловна была старше Ираиды Сергеевны аж на три года, поэтому, конечно, для нее вполне подходил, по мнению нашей мамы, и пятидесяти-, и шестидесятилетний мужчина. В то время как сама Ираида Сергеевна была создана исключительно для юношей.

– Ну так вот, – продолжала Ираида Сергеевна увлеченно, – он занимается экстрасенсорикой, обладает огромными способностями, лечит многие заболевания. Ты знаешь, он мне вправлял сустав (ну, тот, больной), и я сразу почувствовала себя намного лучше.

– Мама, не отвлекайся, пожалуйста, – попросила я.

Ираида Сергеевна поняла, что в книгу вряд ли будут вставлены описания болезни ее сустава, поэтому сразу посерьезнела.

– Да-да, конечно. В общем, встречались они довольно часто. И гулять ходили вместе.

– Она могла доверять ему какие-то секреты?

– Думаю, что да.

– Так, мама. Теперь самое главное: как его зовут и где он живет?

– Зовут его Николай Иванович Корякин. А живет он в старом доме на Рахова. Знаешь, в таком, с красивыми балкончиками?

– А в какой квартире?

– Ох, вот этого я не знаю. Просто Катя как-то говорила, что он живет в том доме. А ты хочешь с ним встретиться?

– Да думаю, что придется, – задумчиво ответила я. – А еще кто?

– Ну, больше с ней никто не был настолько близок. Кроме меня, разумеется, – напомнила мне Ираида Сергеевна о своей персоне.

Приехав на кладбище, мы вышли из автобуса. По наставлению Полины я старалась наблюдать за присутствующими, чтобы определить, кто как реагирует на происходящее.

Надо сказать, сделать это было довольно трудно. Я крутила головой во все стороны, стараясь охватить взглядом всех, кто окружал меня. Но выражение лица у всех было практически одинаковым: в нем читалась скорбь, страдание от духоты и одновременное желание поскорее попасть с жаркого кладбища за поминальный стол.

Народу было немного: зареванная Лариска, которую поддерживал Вася Морозов, рвущийся помогать во всем Дрюня Мурашов, зарабатывая тем самым на лишние пол-литра, бывший Ларискин муж Сергей, стоявший в стороне и ловящий косые взгляды Васи Морозова, почувствовавшего себя ответственным за Лариску, парочка бывших сотрудниц Екатерины Павловны, несколько соседок, Ираида Сергеевна и я. И все вели себя, на мой взгляд, совершенно естественно.

– Страсть-то какая! – шепотом говорила одна соседка другой, – пепельницей по голове! Ужас!

– И не говорите, Варвара Александровна, – отвечала ей вторая. – Я ж понятой была! С милицией туда вошла – чуть ноги не подкосились! Так лучше б и не ходила. Кровищи на-текло – с ума сойти! Я потом еле замыла все.

– Вот и поди узнай, где смерть свою найдешь, – подклю-чилась третья соседка. – Говорят, денег у ней много было.

– И не денег вовсе, а целый сундук с драгоценностями, – снова показала свою осведомленность вторая соседка.

– Да ну? – ахнула первая. – Не может быть! А какой бед-няжкой прикидывалась!

Они бы еще долго судачили, обсуждая материальное по-ложение всех своих соседей, но тут началось прощание с те-лом, и они умолкли.

После прощания гроб с телом опустили в могилу, засы-пали. Каждый кинул в могилу горсточку земли. Постояли немного, выпили и пошли к автобусу. Лариска опять распла-калась.

Когда мы приехали, Полина уже успела все приготовить, и теперь курила, сидя у окна в кухне.

– Ну как? – спросила она у меня.

Я пожала плечами, не зная, что отвечать в подобном слу-чае.

– Пойдемте за стол, девочки, – позвала Лариска. – Спаси-бо тебе, Поля.

Когда мы уходили домой, Лариска молча подняла на нас глаза, в которых читался вопрос.

– Я поняла тебя, Ларис, – устало сказала Полина. – Хорошо, мы попробуем найти убийцу твоей мамы. Но ничего гарантировать мы тебе не можем. Что-то сделаем сами, о чем-то попросим Жору. Там видно будет.

– Спасибо, девочки, – благодарно ответила Лариска. – Удачи вам.

– И тебе!

Когда мы вышли на улицу, Полина поежилась:

– Бр-р-р! Не люблю поминки!

– Почему? – удивленно спросила я.

– Не знаю. Неприятное какое-то ощущение. Даже есть ничего не могу.

– Да? А я с удовольствием, – ответила я, погладив тугой живот.

– Ты давай говори, что узнала, – потребовала Полина, садясь за руль.

– Да ничего особенного. Екатерину Павловну убили ударом пепельницы по голове. Наша мамаша сообщила, что у нее имелся мужчина, Николай Иванович Корякин. Я знаю, где живет. Дом, то есть. Но квартиру узнать – не проблема.

– И где?

– На Рахова, в старом доме.

– Слушай, мы же как раз рядом, давай заедем? – загорелась Полина. – Узнаем, почему это он не был на похоронах у своей пассии?

– А удобно, Польша? Все-таки уже поздно!

– Ни фиги не поздно! – отмахнулась Полина. – В самый раз. Чего тянуть-то?

Я, как всегда, согласилась. Мы подъехали к старенькому трехэтажному дому, оставили машину на улице, и прошли во двор. На скамейке сидело несколько бабушек. Бабушки-выручалочки, как же они помогают в подобных случаях!

– Простите, вы не подскажете, в какой квартире живет Николай Иванович? – спросила Полина.

– Николай Иваныч-то? На первом этаже, во второй квартире, – сразу же откликнулась маленькая, худощавенькая старушка.

– Только его, кажись, дома нету, – проинформировала вторая.

– Дома он, – сообщила третья. – Я слышала, как он там копошился чего-то. Все чего-то шуршит вечерами, не выходит никуда. И свет маленький до полночи жгет. И чего ему не спится?

На улице тем временем темнело. Из-за плотно задернутых шторок первого этажа пробивался слабый свет. Мы с Полиной вошли в дом и постучали. Никто не открыл.

– Странно, – удивленно подняла брови Полина и забарабанила сильнее. – Свет горит, а никого нет. Куда делся?

– Поля, а может, его тоже убили? – с замиранием сердца спросила я.

– С чего ты взяла?

– Да что-то в последнее время всех подряд убивают. Всех

моих знакомых.

– Значит, убийца хочет уничтожить все человечество, чтобы остаться с тобой наедине! – выкинула Полина одну из своих дурацких шуток. – Ладно, давай подождем, раз уж приехали. Может, он на минутку куда вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.